

Ур

СПЕЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЧКА — „В ОТПУСК!“

Апрель 1928 г.

Цена 15 коп.

5 ГОД ИЗДАНИЯ. № 16.

БЕГЕМОТ

РЕДАКЦИЯ:

Ленинград 2, Фонтанка, 57, тел. 565-53.

САТИРИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 1 месяц 60 коп., на 3 мес. 1 р. 70 к.,
на 6 мес. 3 р. 25 к., на 12 мес. 6 р.

Рисунок А. Ютера

РКИ обследует советские учреждения на предмет изъятия
лишних автомобилей. (Из газет).

ПЕРВЫЕ ШАГИ БЮРОКРАТА.

Ваша работа — это работа

Ваша работа — это работа

Общедоступные будильники.

НЕТ ПОКОЮ

Организовано общество развития и распространения идеи кремации в РСФСР (ОРРИК).

(Веч. „Кр. Газ.“).

Умрешь, — сожгут в один момент.
На урне — имя. Очень мило.
Никто не стащит монумент
С твоей покинутой могилы.

Никто не откапает труп,
Чтоб саван снять с твоей особы
И „честно заработать рупь“
За цинк от сломанного гроба.

Но вновь меня терзает страх!
Не все достаточно культурны,
И, может, кто-нибудь мой прах
Нахально вытряхнет из урны.

Он улетучится, как дым
Из угасающей печурки,
А урну с именем моим
Поставят в угол... под окурки!

Буби

ЖЕРТВА БОГЕМЫ

Правда, Вася Утечкин обожал писать письма в редакцию, болезненно реагируя на всякое извращение фактов резвыми репортерами. Но, клянусь вам, дальше этого его литературный зуд ни в чем не проявлялся и „Центроклюквэ“ попрежнему оставалась его религией, его стихией.

Потому-то я был крайне ошеломлен, когда однажды он пристал ко мне с просьбой взять его с собой на заседание „Литературного Лоботряса“.

— Слушай, Утечкин! — возражал я, глядя в его светлые кооперативные глаза. — Ну, что общего у тебя, кооператора из Центроклюквы, с этой бесшабашной богемой? Что ты Гекубе и что она тебе?

Но все мои доводы еще больше разжигали его настойчивость. И, не желая доводить его до истерики, я ввел его в буйный мир „Литературного Лоботряса“. Там были начинающие поэты и писатели, которые в светлой надежде на появление в печати своих еще ненаписанных произведений страстно и вдохновенно предавались уничтожению спиртных напитков и образным междометиям в духе любителей российской словесности.

Впрочем, среди этой литературной богемы уже тогда были люди достаточно знаменитые. Так, некоторых прекрасно знали в отделениях милиции. Другие были очень популярны среди ночных сторожей и дворников, неоднократно развозивших их по домам. О третьих печатали даже в газетах небольшие, но яркие заметки в отделе Происшествий.

— Очень рад! Очень рад! — восторженно пожимал руки Вася Утечкин, польщенный знакомством со знаменитостями.

И с той поры он сделался завсегдатаем „Литературно о Лоботряса“, находя скромное наслаждение в благоговейном созерцании постов и чувственно внимая их жалобам на замалчивание их прессой.

— О нас еще заговорят в печати! — кричали Утечкину.

И этому пророчеству суждено было оправдаться.

— Хвощы! — возбужденно вскричал однажды поэт Хореев, размахивая газетой. — Где правда? Где правда, я вас спрашиваю? Все знают, что Глухерьев первый ошеломил меня своей пятистопной поэмой, а между тем в этой газетной заметке... Так пишется история!

— Повор! Провокация имажинистов! — неслись возбужденные голоса. И только один Утечкин, молча набросав что-то карандашом, тихо и незаметно вышел из „Литературного Лоботряса“.

А на другой день все читали с радостными, просветленными лицами напечатанное в газетах опровержение.

...„В интересах литературной истины сообщаю, что не Хореев нанес удар Глухерьеву, а, напротив, имажинист Глухерьев сам ошеломил Хореева своей пятистопной поэмой, написанной на 375 страницах. Василий Утечкин“.

Утечкина целовали, Утечкина качали.

Но это его первое литературное произведение имело для него, как оказалось, самые роковые последствия. Имя Василия Утечкина гремело по всему городу. Литературные журналы и альманахи на перебой забрасывали его требованиями о присылке стихов, предлагая ему самые невероятные авансы.

— Слушай! — сказал раз мне подавленный и убитый такой неожиданной славой Утечкин. — Я четыре ночи сочинил одно стихотворение. Думаю, что теперь меня оставят в покое и поймут, что я только кооператор... Слушай...

Центроклюкву любя,
Я ее лишь ценю,
И оставить меня
Я в покое прошу.

Но к великому удивлению Утечкина стихи были напечатаны, вызвав оживленную литературную полемику. Одни причисляли автора к экспрессионистам, другие к попутчикам. Третьи видели в его стихотворении производственный уклон.

Слава его достигла апогея. Надежды Утечкина, что его оставят в покое, не оправдались. И... он сделался поэтом...

Сер. Томский

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ

8 коп.
Ручная
бутылочка.

48 коп.
Та, которая
кусается

Строим мы иногда не только дорого, но и плохо. Решили, что нужно построить стекольный завод на основе самых, что ни есть, последних усовершенствований техники. Построили. А когда бутылочки сделали, оказалось, что вручную бутылочка стоит 8 коп., а производство „усовершенствованным способом“ обходится в 48 коп.

(Из речи Орджоникидзе).

Вятское Губземуправление предложило собрать всех найденных озимых червей, куколок, коконов, паразитов, записать на обороте карточки, сложить посподнее живыми в спичечные коробки без соли... и отослать в ГЗУ.

Помолившись на иконы,
Чтобы был в работе прок,
Дядя Карп, кряхтя, коконы
Собирает в коробок.
Две Потаповны старухи,
ГЗУ без удержу кляня,
По меже ползут на брюхе,
Изучая зеленыя.
И четырнадцать визитов
Сделал в поле Тишкин Пров,
Пряча гнусных паразитов
В глубь несчетных коробков.

Мычат коровы и ждут удою.
В селе пустыня... В полях народ.
Не ходят бабы за водою,
Не ходят девки в огород.
Червяков собравши в фартучке,
Грамотейка Оля,
Пишет на длинной карточке,
Об озимом поле.
Пишет до пятого поту
Цыфр никчемных тьму.

От Бегемота:

Есть-ли в ГЗУ идиоты,
И, если есть, почему?

Р. Волженин

— Следующий!

В дверях показывается угрюмое лицо доктора Забельского, и очередная мать с ребенком спешно направляется в кабинет. А в приёмной остываются три молодых женщины, каждая с ребенком на руках, и престарелая прислуга доктора — Аннушка.

Аннушка уже 20 лет служит у Забельского, и так вот, изо дня в день, дремлет от 5 до 7 в приемной. Её функции просты: она наблюдает за тем, чтобы матери надевали свои собственные пальто, а не чужие. Но эта работа у неё только для видимости. Давным-давно Аннушка расширила круг своих обязанностей и теперь в душе часто посмеивается над стариком-доктором.

— Ну-с, расскажите, что с ребенком? — говорит врач бесстрастно-профессиональным голосом.

— Да, вот сама не знаю, — смущается мать под холодным взглядом из-под очков, — еще вчерась бодренький был, а сегодня будто скученький какой-то.

Скученький при этих словах поднимает дикий рёв, заражая им ожидающих в приёмной однолеток.

— Ну, не плакать, милиционера позову! — равнодушно бросает врач. — Разденьте его!

Неопытная мать чувствует себя крайне неловко от того, что её Кимчик нарушил торжественную тишину кабинета. И теперь она, невнимательно слушая доктора, зорко следит за своим наследником, абсолютно игнорирующим желание врача — выйти сухим из этого осмотра.

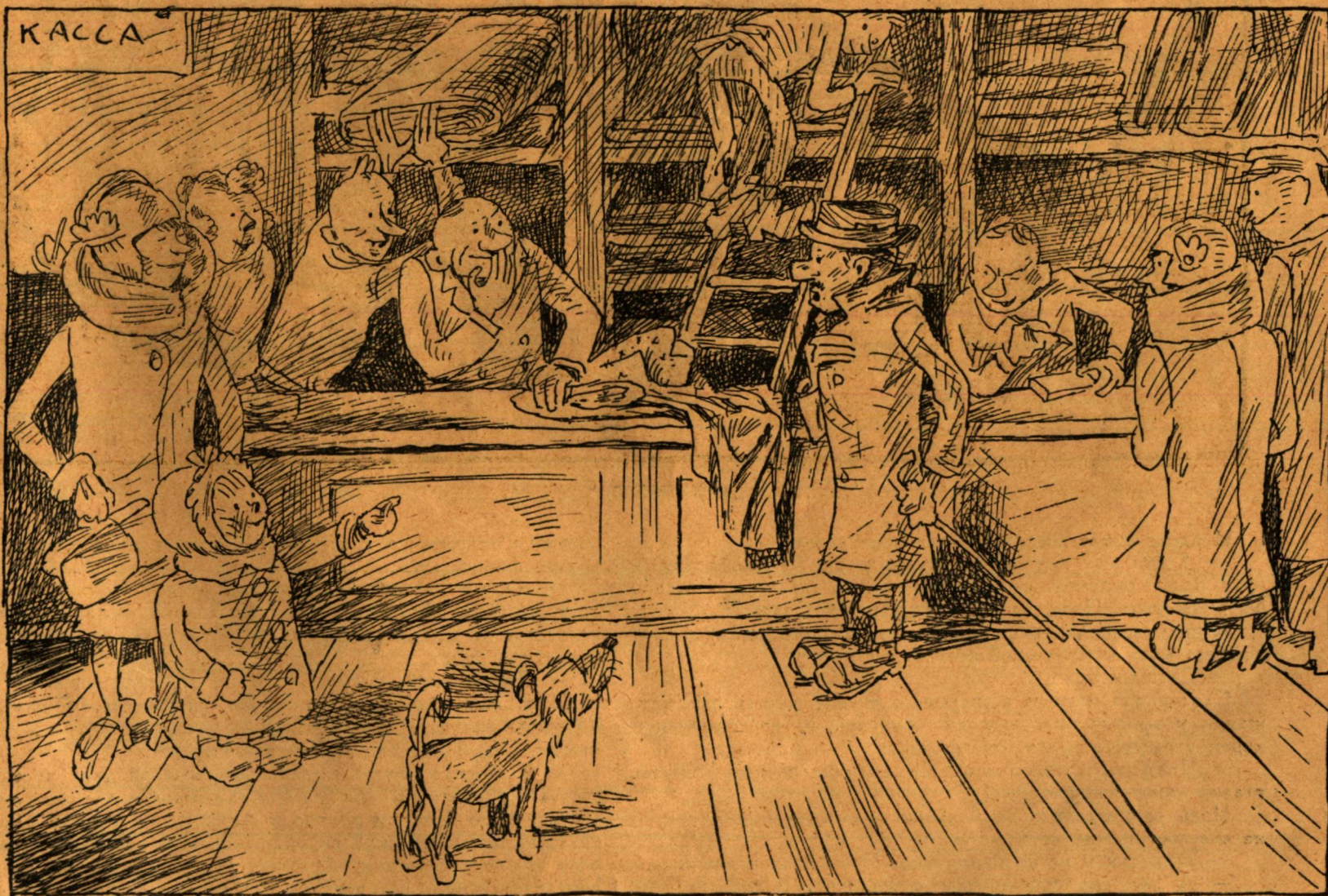
— Ах, простите, доктор! — краснеет мамаша. — Он же еще такой крошка!

Она грозит Кимчику пальцем и, торопливо вытирая стол, теряет из памяти половину докторских указаний.

— Кривая температуры... Микстура... Диагноз... Анамнез... Что такое: анамнез?.. Каломели не надо... — все эти обрывки фраз мелькают у неё в голове.

В ЛЕНИНГРАДНАДЕЖДЕ

Рисунки В. Антоновича

— Мама, почему все смеются над этим дядей?
— А он спрашивает, скоро-ли придут дешевые брюки на средний рост.

„АРХАНГЕЛЫ“ МИРА.

И вдруг новая мысль затушевывает прежние:

— А сколько ему дать? Два или три? И найдется-ли три? Вдруг мелочью да не наберется? А два мало. Столько беспокойства... Поди, за одну квартиру сто платит.

А врач, выпалив все наставления, уже нетерпеливо смотрит на мать и жуёт своё обычное:

— Следующий!

Следующая мамаша испытывает то-же, что и предыдущая, а к предыдущей подходит Аннушка и, ласково поцеловав у ребенка ручку, спрашивает:

— Что сним, с маленьким? Что с хорошеньким? Ишь-ты, глазки какие заплаканные!

Мать расцветает от этой ласки. Она благодарно смотрит на старуху и отвечает:

— Животик у него. Запорчики. И головка горяченькая.

— А вы ему косторочки в молочке. В горяченьком. Прослабит, и жарок моментально спадёт.

— Спасибо, родная, что научили. Совсем я с ребятами

возиться не умею, а доктора, они хоть и ученые, а очень тёмно разъясняют...

— Да, уж эти доктора! — машет рукою, в которой зажат двугривенный, Аннушка. — Им бы только неприятностями напугать. А вы, успокойтесь. К среде ваш ангелочек здоровенький будет.

— Следующий!

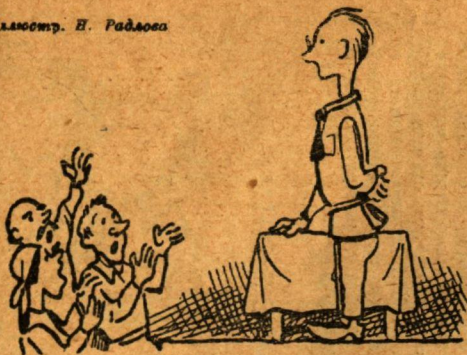
И к Аннушке попадает новая пациентка. Годовалая Катенька получает дозу восторженных эпитетов, а Катина мама — целый ряд строгих наставлений:

— Только смотрите, после компресса на двор не выносите. Простудите, на себя пеняйте. А компресс делается так...

А поздно вечером доктор и Аннушка в разных комнатах подсчитывают свой гонорар. Доктор серьезно перебирает зеленые бумажки, Аннушка-же, подхихкивая, звенит соответствующим количеством двугривенных. День закончен.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ЖИЛЕЦ

Иллюстр. Н. Радлова

После того, как ораторы все, как один, сошлись на необходимости скорейшего и обязательного проведения культуры в жизнь, председатель закрыл дальнейшие прения и сказал:

— У кого есть конкретные предложения, прошу вносить.

Тотчас поступило два конкретных предложения.

Первое:

объявить кампанию по ликвидации некультурности, назначив последним сроком окончательной ликвидации—1 января 1929 года.

В общем, это предложение не вызвало возражений и было принято за исключением даты указанного срока.

Поступили поправки:

срок сократить до 1-го ноября 1928 года, чтобы уже к 11-й Октябрьской годовщине в стране не осталось ни одного некультурного человека;

срок, напротив, удлинить до Первомайских торжеств 1929 года, ибо на местах не успеют получить инструкции и развернуть кампанию по ликвидации некультурности.

Вопрос о сроке был передан для соглашения в особую комиссию.

Второе конкретное предложение было столь же неожиданно, сколь и оригинально.

Оно сводилось к следующему:

назначить вполне выдержанного культ-товарища в коммунальную квартиру, чтобы выявить практические методы и способы воздействия личным примером на некультурные массы. Этот показательный жилец должен быть образцом во всех культурных отношениях и своим примером увлечь и прокультурить окружающих.

Предложение было признано рациональным.

— Называйте кандидатов!—предложил председатель.

— Гнедочкин!!—крикнуло сразу несколько голосов.

— Правильно! Он не курит, не пьет, в карты не играет, на стульчак ногами не ставится, матом не крест...

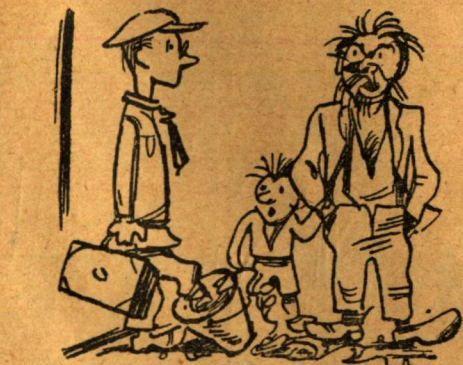
— Гнедочкин! Просим, просим!

Гром аплодисментов заглушил слабую попытку Гнедочкина протестовать.

И вот, таким образом, Гнедочкин был брошен на прокультурку квартиры № 85, выбранной в качестве стандартно-некультурной.

Он вступил в этот очаг бодро и с первого же шага имел удачный случай показать образец стопроцентной культуры.

Вежливо поклонившись, он спросил:

— Обо что, извиняюсь, можно вытереть ногу?

И, в ответ на некультурное заявление:

— А хоть-бы о свой затылоч! Не мое дело. Он кротко сказал:

— Извиняюсь, — лучше иметь специальный половичок, так называемый, извините, „мат“, который кладется возле двери. А грязные ведра удобнее ставить подалее от дверей...

Полный энергии, этот показательный жилец пропустил мимо ушей неприличные слова домашней хозяйки и немедленно принялся за выполнение директив.

Вывесив плакат, с надлежащим культозвонгом, он должен был каждое утро работать, чтобы не изменить своему принципу „не становиться ногами“.

Он терпеливо дожидаясь в очереди к умывальнику, стараясь доказать, что время пользования коммунальными удобствами должно быть строго ограничено. Не применяя насилия, он действовал убеждением, кротко напоминая: — Ваше время истекло..

И даже, при самом неожиданном обороте дела, старался, путем аналогии, внедрить культурные навыки.

— Кстати, о щетке! Нельзя забывать, что половая щетка — отнюдь не только орудие насилия. Следует каждое утро подметать ею пол... Так же, как и зубная щетка имеет главной задачей чистку зубов, а не смазывание ботинок кремом...

Он держался истинным культурником у плиты, уступая место, не ввязываясь в кухонные беспорядки и надеясь, рано или поздно, пробудить человечность в ожесточенных сердцах.

По ночам он продолжал неусыпную борьбу с некультурностью, как за стеной, так и на стене.

И так далее, и тому подобное...

— Как-то наш Гнедочкин, наш показательный жилец?—вспомнил о нем председатель через месяц.

И назначил комиссию для констатирования результатов борьбы. И комиссия пошла к Гнедочкину.

Результаты были, определенно, налицо.

— Обо что, извиняюсь, можно вытереть ногу?—спросил член комиссии.

— А хоть-бы о свой затылоч! Не мое дело!—кинул Гнедочкин и, отпихнув второго члена, устремился к плитке.

— Какая сволочь,—орал он,—оставила мой чайник? Я вам покажу, сукины дети!.. Опять в е лампочки перебыло!.. Хотя нынче и в тревом виде!..

Члены комиссии единогласно обмерли.

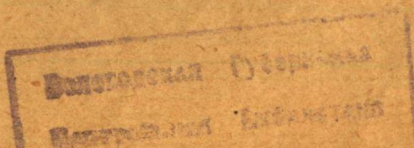
— Неужели это Гнедочкин в борьбе с некультурностью?

— Увы, это он!.. Некультурность победила!..

К чести комиссии нужно сказать, что она ловко вышла из неприятного положения:

Объявила Гнедочкина показательным некультурным субъектом.

Ив. Прутков

Страничка „В отпуск!“

ВСТРЕЧНЫЕ ВОЛНЫ

— Товарищи отпускники! Вы должны помочь строить новую деревню!

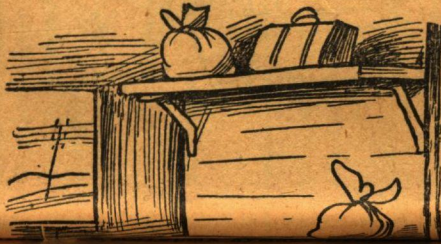
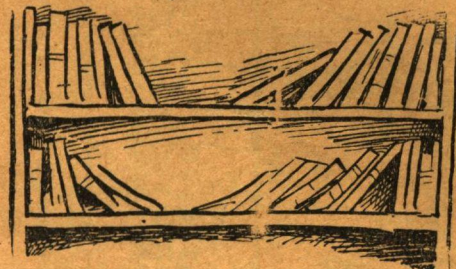

— Ну, пошли, костромичи, новый город строить!

Полюби ездить в жестком, а в мягком всякий полюбит

ВНИМАНИЮ ЕДУЩИХ НА КУРОРТЫ

Здравотделом организована спец. врачебная комиссия, которая будет устанавливать степень утомляемости отпускника от курортных комиссий. Комиссия уже приступила к работе.

ОТ ДОБРА ДОБРА НЕ ИЩУТ

Солнце юга, воздух моря, Снег заоблачных высот... Вот куда поедет Боря Раставривать живот! Но, хоть был он очень бойкий, Услышать пришлось ему: „Ни одной свободной койки На Кавказе и в Крыму“. И не рвется молодецки Боря к лону южных вод. Он покорно в Сестрорецке Лечит нервы и живот.

СПОРТ И ОТПУСНИК

Приехав в деревню, отпускник должен заняться внедрением модного спорта — пинг-понга. Мячик вполне можно заменить картошкой, а ракетку — лопатой, которой сажают хлеб в печь.

ЗАВ И ОТПУСКА

В вопросах отпускных блюдет законы зав, И странный жуткий сауз идет с ним

ЯДРО - ТЕПЛУШКА

ПОЛЬЗА

— А все-таки землетрясение в Крыму и пользу принесло!
— ?!
— Все надписи на скалах уничтожило!

КРИВАЯ ТЕМПЕРАТУРЫ гр. ИВАНОВА

Кривая, которая вывезет... на курорт.

ПРИМЕТЫ НА ВОКЗАЛЕ

— Как ты думаешь, этот человек едет в отпуск или уже из отпуска?
— Конечно, из отпуска. Разве не видишь, что он уже без чемодана и вещей?

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭФИРУ

Самый дешевый вид путешествия (с полной гарантией сохранения багажа).

СТРАННО!

Многие, уезжая в отпуск, теряют связь с культурным миром: не читают газет, не слушают докладов о международном положении, не посещают лекций и диспутов на полные темы.

Между тем, современное состояние науки дает каждому полную возможность удовлетворять культурные потребности, так сказать, походя. Изображенный здесь отпускник-атенеос, отдыхая на пляже, сможет одновременно узнать, когда начнется всеобщее разоружение или жила-ли действительно Христос.

К СЕЗОНУ

У нас курортного сезона не по размерам! — Для вас! Пожалуйста — с, сколько угодно. Как раз, только что ходовые поступили.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО...

— Странно! Сам пешеход, а говорит, что исколесил всю Россию!

ОТДОХНУЛ И БУДЕТ...

— Ну-с, где вы провели отпуск?
— На заседаниях комиссии по выдаче и распределению отпусков.

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ И ОТДЫХА

(Печатается в дискуссионном порядке).

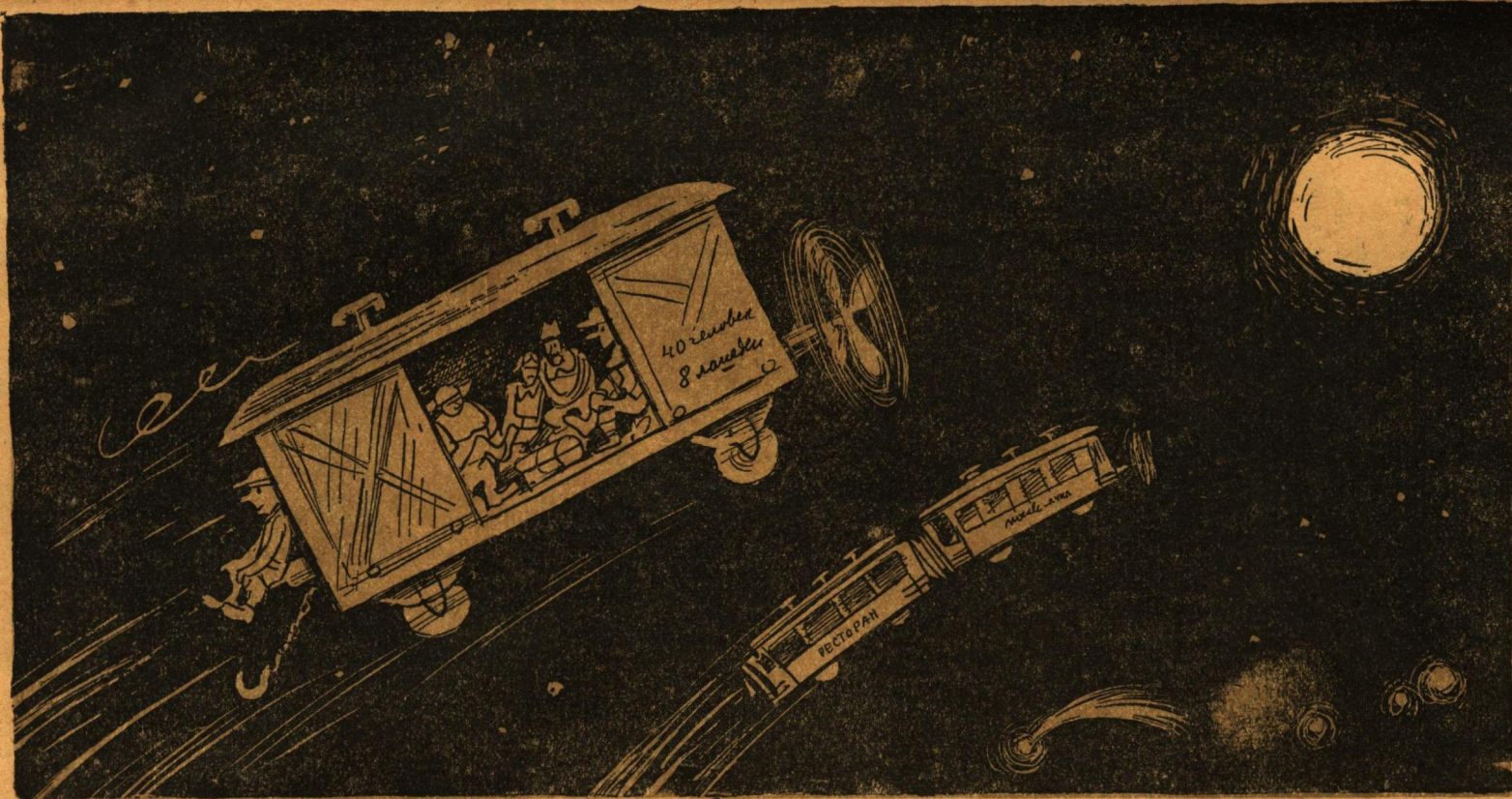
В Москве организуется несколько семейных домов отдыха, в которых трудящийся может отдыхать со всей своей семьей.

Конечно, давно-бы следовало провести в жизнь это начинание! Но... надо учитывать и то обстоятельство, что тот-же трудящийся, после такого семейного отдыха захочет отдохнуть и от него, поэтому следует позаботиться устройством домов отдыха от семейных домов отдыха. Прошу т. т. высказаться по этому поводу.

Многосемейный Крутиков

СТАРАЮТСЯ...

— Собираюсь в отпуск, в деревню, ну, и второй вечер все читаю.
— Рекомендованную литературу?
— Неел.. Пока-что, осматриваю список рекомендованной литературы!

Изобретенные до сих пор способы полета на луну — ядра, ракеты — одиночки, приспособлены для потребностей спекулянтов и нефтяных королей. Пройдет еще немало времени, когда эти изобретения станут доступны широким массам. Однако, подышать свежим лунным воздухом хочется всякому. Следует, поэтому, не откладывая, наладить временную связь в ядрах-теплушках, вмещающих до 40 отпускников, как показано на прилагаемом проекте-утопии.

ДОЛГОЖДАННЫЙ

Чижа задохнулась злодейка-западня... (И. Крылов).

Доктор Чижа („Сифилис, триппер, шанкр, кожные болезни“) почувствовал переутомление после горячей зимней практики.

Получив месячный отпуск, он решил забраться куда-нибудь в глушь, на лono природы, чтобы отдохнуть по-настоящему.

— В деревне! Вот куда! Там меня ни одна собака не знает. Там меня никто не потревожит! И Чижа уехал в деревню Крывые Петушки.

Вот жила там Чижа в Крывых Петушках, пьет парное молоко, отсыпается, гуляет в высоких сапогах и в толстовке, купается в речке и по часам лежит на траве, брюхом вверх.

— До чего ж хорошо!

Сначала крестьяне приглядывались, — что, дескать, за городской человек, кто такой.

— Можя медицинщик на нашу сиротскую долю?

— Не! Сам больной.

— А деньги-то платит?

— Платит. За всё платит.

— Ну, пушай.

Как золотой сон, промелькнула первая неделя...

Пульс нормальный, одышка прошла — радостно исследовал себя Чижа. — Стул в порядке! Великолепно! К концу отпуска совсем буду молодым!

Бодро скинул с себя Чижа одежду, собираясь лезть в речку. Как вдруг за кустом кто-то осторожно и почтительно кашлянул. И следом высунулся мужик Еремей. Лицо было какое-то необычно просительное.

— Чего, Еремей Фомич? Купаться хочешь?

— Ни-как нет, Пав-а Борисыч... Я, значит, гримз...

— Какой гримз, — не понял Чижа, щупая левой ногой воду.

— Насчет болести, Павел Борисыч... У меня, значит, в паху гримз... Второй год дыхнуть не способен, а докторей, у нас, сами знаете...

— А разве я доктор?

— А то как-жа! — осклабился мужик: — Доктор и есть! Такая нам удача! Который год ждем, и вот дождался светлого праздника... И эта гримз, Павел Борисыч, прямо жисти не лает... Явите божескую милость, взгляните...

Вода в речке была теплая, как для полоканья зубов, но левая нога Чижа дернулась, будто попала на холодный компресс.

— Что?! — в ужасе прохрипел он: — Какой я доктор? Откуда вы вяжили?

Извините, Павел Борисыч... Вы купаетесь, а я и обогатить могу... Вы не тревожьтесь...

Какое тут купанье! Сердце сжалось и заколотилось. Узнали, черти! Все пропало!

Доктор сел на траву и принялся натягивать брюки.

— Здесь! — послышалась за кустами довольный женский голос.

— Тсс! — зашипел Еремей, — куда разбежалась! Притиха, больно! Не видишь, она од ются... Приема еще нету... И, значит, не лезь вперед меня: вперед батьки в петлю не суйся!

По городскому — черед соблюдай, становись за мной в замяток...

— Одышка! — уныло наблюдал себя Чижа. — Пульс сто двадцать... Но как-же они узнали? Кто открыл о е никогниго?

За кустами слышался шопот, возня, осторожные ругань. Доктор отчаянно поднялся и раздвинул кусты. Пятнадцать пар глаз метнулись к нему.

Мужики, бабы с ребятами...

К окнам душного отдела,
Возвратясь, должно быть, с юга,
Беззаботно прилетела
Неизвестная пичуга.

Стукнув крылышками в стекла,
Улетела к синей выси.
Эти стекла мыли: Фекла
И уборщица Анисья.

С плеч крутых сползали блузки,
Розовели руки, ноги.
В это время — в час нагрузки —
Подводил помбух итоги.

Созерцая ноги эти,
Вытирая лоб от пота,
Он стихи „входящей“ Кетти
Написал среди отчета.

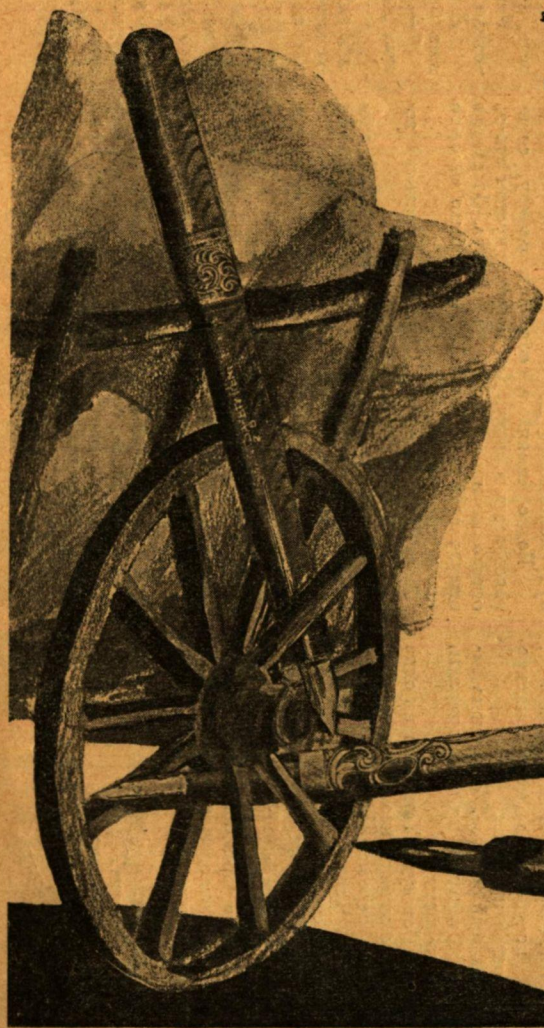
Он писал, разбрызгав пятна,
О „дыхании черемух“.
Он свершил невероятный
В счетоводном деле промах.

И от этого с испуга
Чуть не умер, за конторкой,
Спровоцирован пичугой
И весеннею уборкой.

Дм. Цензор

БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ „ВСТАВОЧКИ“

Рис. Л. Г.

Старая дева, христова невеста, Марья Яковлевна Оглоблина, живущая в крайней комнате с капитальной стеной, ждет жениха. Жених так себе. Не важный. Служит курьером в Пищетресте. Звонит жених долго и серьезно, как домой. В дверь сначала просовываются его длинные усы. Оглоблина зажигает керосинку и ставит на нее запаянный в носке чайник. Курьер ходит по комнате, считает шаги и говорит баском:

— Три на три. Две сажени у вас. Почем за сажень платите?
— Плата обыкновенная. По заработку. Когда рубль восемьдесят, когда рубль восемьдесят семь. Да еще рубль хозяевам за электричество.

Курьер смотрит на сундук, стоящий на полешках, и говорит, поглаживая усы:
— Это дорого. За электричество-то.

За чаем курьер, будто незначай, вынимает из жилетного кармашка золотой пятирублевик и, играя им между пальцев, дипломатично предлагает:

— Вот принес вам для примера свой золотой. У вас наверное золотые-то есть? Думаю, женщина одинокая, ей всегда вместо империаля полуимпериаля могут всучить.

— Да что вы! — отмахивается Оглоблина. — Откуда у меня с своих заработков золотые?

Курьер хитро улыбается.

— Да вы померяйте только. Чтоб на будущие времена вам полуимпериаля за империаля не всучили. Вон, одной знакомой, вместо брильянтов, стеклышки на Центральном рынке всучили.

— Не имею я золотых, — говорит Оглоблина. — Какие у нас заработки по 6-му разряду!

— А какие, именно?

Оглоблина достает с полки серебряную расчетную книжку „ватерщицы фабрики „Красное Знамя“.

Курьер внимательно рассматривает ее.

— 71 рубль. Это хорошо...

— А это, что за вычет? — неожиданно сурово спрашивает он.

— Это в союз... Работа у нас тонкая. Глазастая. Как проглядишь, так брак. Строгая работа. Прямо сказать, не женская работа.

— А вас не сократят несчастным случаем?

— Не за что. У меня споровка и глаз очень вострый.

Курьер подозрительно засматривает ей в глаза. Потом просит:

— У меня вот пуговица болтается у пиджака. Сделайте милость, пришлите.

Оглоблина из жестяной коробки с надписью „Сельди“ достает нитку, иглоку. Ловко вдвигает нитку в иглоку. Курьер облегченно вздыхает:

— Да, глаз у вас еще хороший. Без очков нитку вдвигаете. Это хорошо.

Пуговица пришита. Курьер достает из кармана слегка пожелтевшую карточку, на которой он снят молодым человеком в солдатской лихой форме, и подает снимок Оглоблиной.

— Вот обещал вам карточку с себя.

— Какой молодежь вы здесь!

— Еще-бы! — хвастается курьер. — Пятнадцать лет тому назад снимался.

Оглоблина смотрит на карточку.

— Да... — прибавляет курьер. — За такого молодца любая женщина пойдет!..

Молчание.

— А сами вы, как получаете? — спрашивает Оглоблина.

— 56 рублей, — солдно говорит он.

— Пять-де-сят ше-есть... — разочарованно тянет Оглоблина. — Да и мужчина вы, кажется, здоровый. Не инвалид?

— В курьеры инвалидов не берут, — строго говорит он. — Это, может, в швейцары.

— Инвалид сам себе без швейцаров судьбу может устроить. Вон у нас работница Сулова вышла за инвалида об одной ноге, так он в ларьке табачком свободно 80 рублей выторговывает.

Она сожалительно смотрит на курьера.

— И на войне вы были, а не фарт, значит, вам, чтоб ногу или руку оторвало...

— Милвал бог!

Оглоблина подпирает щеку кулаком.

— Хоть-бы полруки не было, это все равно инвалидство считается и на ларечное место право-б имел.

И неожиданно строго, с некоторым превосходством, добавляет:

— Я вот не люблю еще, которые мужчины храпят. Вон у нас жилец за стеной во сне храпит, так я кровать свою к капитальной стенке отставила.

Скоро курьер прощается. Дома он идет к квартирному хозяину и берет отданные по 1 залог пятирублевика брюки.

— Ну, как? — спрашивает хозяин, принимая свой золотой.

— Серьезная женщина! — говорит курьер, получая штаны.

А Оглоблина укладывается спать и советуется вполголоса с кошкой.

— Одно дело только, что усы, — говорит она, поглядывая на курьерову карточку, — а так, что? Жених незавидный. Не инвалид, ни что. 56 рублей... Эх! Кабы инвалид был, а то, что...

Она быстро засыпает, насторожив на 6 часов будильник. Храпит она во сне страшно, со свистом, с завыванием, точно ветер в трубе.

Даже кошка просыпается, недовольно чихает, вертит хвостом и перебирается на новое место. Подальше.

Вл. Тоболяков

Палки, которые иногда попадают в колеса.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Открыт первый, оборудованный по последнему слову техники электрофицированный кооператив.
(Из газет).

Григорий В. Шемметт

Каждый раз на этом месте.

ЦВЕТЫ И ТЕЛЕФОН

Володе нет еще и двух годочков, а он уже задолжал родителям шесть рублей: разбил телефонную трубку.

У Володи большое хозяйство: две лошади, палц, мяч, разные свистульки, погремушки... Но он презирает все это и жадно тянется только к одной игрушке: к телефону.

Приложит мама трубку к ушку Володи, и он выпалтывает сразу:

— Алё, алё! Дядя Куля, принеси мамелад! Пока!

Дядя Куля — это я. Принес однажды я Володе мармелад, и теперь он „звонит“ мне.

После большого перерыва я принес Володе шоколадку.

Он посмотрел на шоколадку, потом на меня и потащил мать к телефону.

Володя, видимо, решил, что я шоколадный дядя, а мармеладный не идет и ему надо звонить.

Он крикнул в трубку:

— Алё, алё! Дядя Куля, принеси мамелад! Пока!

Мargarиточке 10 лет.

Она знает все тайны квартиры: кто, когда, где, зачем... Margarиточка служит. Ей жильцы платят 3 рубля в месяц. Она — девочка при телефоне: подходит на звонок.

— Алло! Ее нет дома. Хорошо, передам.

— Кто звонит? — спрашивает маникюрша, жильца.

— Перепелкин. Любовь Андреевну спрашивал. Злю-у-уций! Третий день звонит. А она с другим крутит.

— Margarита, как тебе не стыдно!

— Я знаю. К ней художник ходит.

Звонок.

— Алло! На службе. Передавала. Она сказала: „Пошли его к черту“.

Маникюрша берет Margarиточку за ухо и оттащивает от телефона. Margarиточка хохочет.

На звонок долго не отвечают. Наконец, отзывается звонкий голосок.

— Кого надо?

— Владимира Семеновича.

— Нет дома, — беззаботно отвечает голосок.

— А мама?

— Тоже нет.

— А где-же они?

— Не знаю.

— Как-же так? Не знаешь, где твои родители?

— А вот и не знаю.

— Странно.

— Ну, мне некогда.

Голосок вешает трубку.

Хозяину голоса 12 лет. Он суров. На его обязанности лежит подметать квартиру. Дойдя до кабинета отца, он всякий раз разворачивает на столе какую-нибудь книгу и присасывается к ней часа на три, выпуская из рук щетку.

Телефон он ненавидит. Звонит, читать мешает.

А здесь отвечают сразу несколько голосов. Пищат, хохочут.

— Кто здесь?

— Мне Сергея Сергеевича надо.

— Он уехал. — пищит мальчуган.

— На заседание. — смеется девчурка.

— А, может быть, он дома? Мне, детинки, его очень надо. По делу.

Пожалуйста, позвоните!!

— Нету.

— Дома он. Я знаю. Вася, Петя, Катя! Как вас там зовут?

— Галя.

— Ага, Галя! Галочка, миленькая, скажи, что делает папа?

— Он курит.

Папа подходит к телефону и говорит со смехом

— Вы развращаете детей.

Из любезности я соглашаюсь с папой и прошу прощенья.

Я знал, что звонить домой безнадежно. Там только кухарка Марфа, бестолковая женщина. И все-таки позвонил.

— Слушаю.

— Кто это?

— Меня.

— Мама дома?

— За дровами ушла.

— Вот что, милая. В моей комнате, в книжном шкафу, на второй полке, справа, лежит книга.

Называется — „Новый Мир“. Эту книгу надо отнести доктору Зубову в Обуховскую больницу. А если доктор уже ушел из больницы, то отнеси книжку на квартиру. Доктор живет на Надеждинской ул., д. 38, кв. 33. Если же там скажут, что доктор ушел, то садись на № 15 и езжай на Детско-Сосновский вокзал. Там в буфете ты увидишь человека в большой шляпе, который пьет черное пиво. Отдай ему книгу и возьми расписку. Расписку принеси мне на службу. Поняла?

— Поняла.

Я повесил трубку и подумал: „зря звонил. Манюшке 8 лет. Она также бестолкова, как и мать. Книжки не найдет, разобьет стекло в книжном шкафу и этим все кончится“. Я засмеялся и забрал книгу.

Минут через 40 ко мне в комнату вошла маленькая девочка и подала записку: „Книжку получил. Благодарю. Доктор Зубов“.

— Спасибо, Манечка! А я и не знал, что ты писюлька.

— Уже три месяца в отряде.

— Значит, всегда готова?

— Всегда! — улыбулась Маня.

И поправила красный галстук, прекраснейший из галстуков.

В. Черный

НЕРАВНОМЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Григорий К. Рудаков

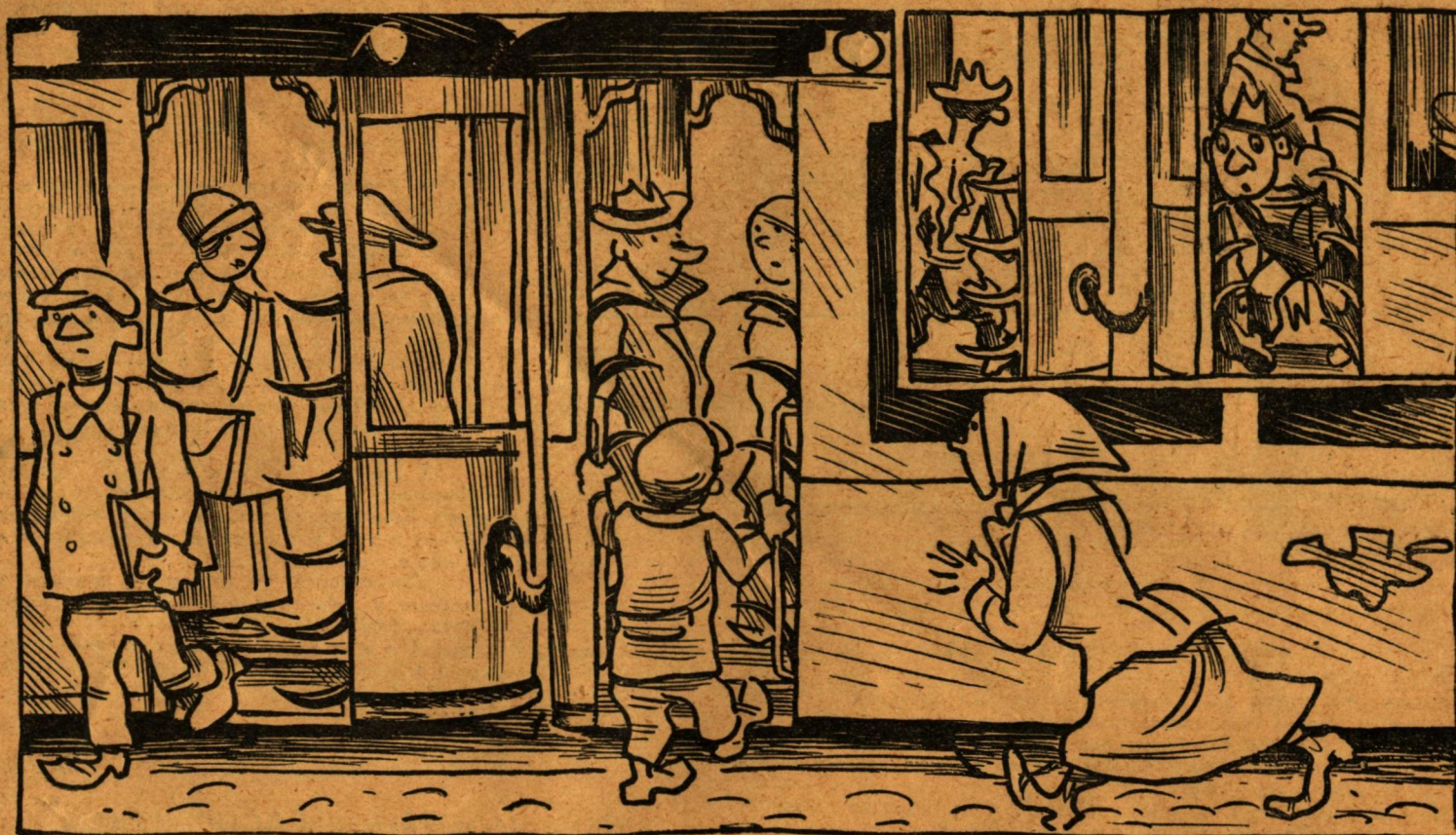

— Дайте эфир!

— Нету!

— Ишь, чорт! В аптеке его нет, а в радио целые путешествия по эфиру зря устраивают!

Рисунок Н. Э. Уца

Надо честно сознаться: трамвайная публика мало дисциплинирована. Обычно влезают в вагон, как придется. Которые вваливаются с передней площадки, которые — с задней. Никакой, можно сказать, системы не наблюдается. Путаница и беспорядок. Давка и волянка.

Нынче мы обмозговали новый трамвайный проект: как заставить публику за те же деньги подчиниться приказу — входить с задней, выходить с передней.

На рисунке наглядно видно, что с передней площадки тепереча не войдешь, а с задней — пожалуйста. А которые настойчивые будут делать наоборот — могут этими крючками порвать себе пальто и морду.

Торопитесь поднять упавшую дисциплину!

Приват-доцент

М. М. Прищемихин

КАМЕРА ДЛЯ ВЫТРЕЗВЛЕНИЯ

Роскошную, не по средствам жизнь ведут в Новосибирске: у многих граждан есть носовые платки и — страшно сказать — велосипеды и телефоны. Ясно, что люди зарвались в погоне за безумной роскошью и их пришлось стаскивать с облаков на землю. „Сов. Сибирь“ сообщает:

Финбюджетная секция Новосибирского горсовета, разбирая вопрос о налогах, отнесла к предметам роскоши велосипед.

Эта кампания борьбы с роскошью нагнала такую панику на новосибирцев, что люди, являющиеся обладателями трусиков, поспешили ликвидировать этот предмет роскоши во избежание неприятностей.

В Сормовской больнице не знают, что такое „волокита“. Например, когда у Н. Л. Лукина умерла жена и он пошел в больницу, получить справку о ее смерти, в больнице ему, по словам „Нижегор. Коммуны“, гордо заявили:

— Подождите минуточку. Сейчас выдадим. У нас, как нигде, без всякой волокиты.

И действительно, этак минут через десяток, выносят огорченному мужу справку.

А на ней такими схидами словами напечатано:

„Дана настоящая справка гр. Лукину Н. Л. в том, что он умер в такой-то больнице, такого-то числа, такого-то года. Врач Комаров.“

И Н. Л. Лукину было приятно, что его так просто, без волокиты угробили. Сами видите, какая больница! В другой сколько провозятся с человеком, прежде чем его, выражаясь научно, превратят в покойника, — такую волокиту разведут.

что умирать противно. А здесь — пожалуйста — раз, два — и человек уже покойник. Рационализация производства!

Всякий, у кого есть хоть немного росного ладона, легко может сделать себе чудную тряпку для стирания пыли. Если не верите, — читайте в серпуховском „Набате“, в отделе „Полезные советы“, рецепт приготовления:

тряпку можно пропитать смесью распущенных на огне 10 частей очищенного о репного масла и 1 части росного ладона. Тряпка должна хорошенько впитать в себя эту смесь, затем ее надо отжать и высушить. Приготовленная таким образом тряпка не только прекрасно снимает пыль, но и придает блеск полированным вещам.

Если же вы не знаете даже, что такое за штука этот „росный ладон“ и где его берут, а обыкновенная тряпка у вас под рукой, — валяйте, вытирайте ею пыль без всякого ладона. Мы отвечаем за успех нашего полезного совета.

В Мариуполе с руганью борются: при помощи обыкновенного громкоговорителя. Описание этого способа заимствуем из „Приаз. Пролетария“.

Из раскрытых дверей „комнаты отдыха“ слышатся „веселые“ звуки мата, которые разносились бы по всему клубу, если бы их не глушили звуки громкоговорителя.

Это хорошо, что громкоговорители достаточно громкоговорители. Но еще лучше было бы завести барабаны для глушения „отдыхающих“. Не плохо еще палить из пушек, — получается очень громко и к тому же оригинально. Рекомендуем правлению клуба завести пятюток шестидюймовых.

Э. Г.

Весенняя нагрузка „сезонника“.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХАЛТУРЫ

Еще апрель клубится над Невой,
Еще не высохли уездные заборы,
Как в мягком, спальном мчит „передовой“
На удочку афиш поддеть шальные сборы.
Еще сезон таится в полутьме,
Еще в полях лежит прескучная натура,
Но вот уже в безвинной Чухломе
На массы ринулась нещадная халтура.
Жизнь катится по дедовским тропам,
За ставнями — покой, в углу — киот старинный,
Но бьет плакат по толстым черепам,
Вытаскивая сбор из-под любой перины.
Спасенья нет! Немыслима борьба!
И, отирая пот хозяйственной дланью,
Неистова, упорна, как судьба,
Прёт густо Чухлома к театру на закланье...

Всего три дня!
Мос-Худ-Ансабль „Заря“.
Турне: Москва—Орёл—Восток и — Заграница.
Под управлением Бориса Бобыря.
Из жизни Греции—„Последняя зарница“!!!

Гвозды!
Кржи!
И стои!
Сегодняшней Москвы!!!
Пластический балет
Объединенных студий.
Хоретрагедия —
„Октябрьские львы“
С участием знаменитых
братьев Аристуди!!!

Феноменальный заслуженный
БАС
Из Маринского Большого Актеатра...
Проездом из Бобруйска на Донбасс...
...Исполнит песенку и танец „Клеопатра“.

Прошёл сезон над тихой стороной.
Назад! В Москву! В Москву!
Блестать в столичном мире —
Мосхудансамбль работает в пивной,
Феноменальный бас устроился в трактире.
А братьев Аристуди нет и нет,
Проворовалась, сдуру, пластика дорогой,
И дали братьям вместе восемь лет,
Со строгой...
Уже в полях — метелица... зима...
Но под керинами ворочается дура —
За ставнями мечтает Чухлома:
— Москва! Столица! Центр! Ведь вот,
поди, — культура!!!

Александр Флит

Почтовый ящик

Л. М.—ч. — Материал поповский — не взяли. А написано забавно
А. Серову. — Почерк у вас славный. Все остальное — ниже сред-
него. Между прочим, „нализаться“ — пишется через мягкий знак. Слово
„намечать“ — через а после ч.

Наверное вы недавно окончили школу 2-ой степени?

В. К. — В. К. пишет: „Если моя мечта исполнится и вы напеча-
таете мои стихи, то прошу вас не пишите полное имя и фамилию, а по-
ставьте две буквы В. К.“

Одним словом — стыдится человек. И есть отчего. Стишки такие:

Было легко нам с тобою.
Все невзгоды, все толчки
И правая ты их бывала,
Брал их с бою за грудки.

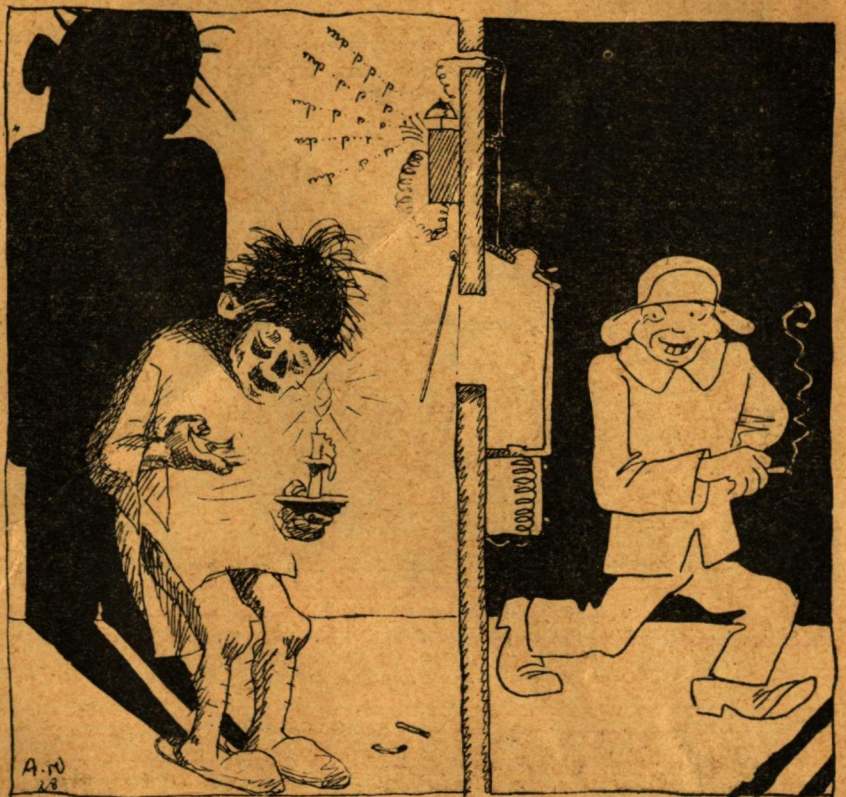
Иванову. — Проектом воспользуемся. Гонимар вышлем.

Сашке Чумовому. — „Прошу ответить, какова судьба моего рассказа“
Судьба ваша — индейка, жизнь — копейка. Рассказ бросили.

Изобретен дверкой почтовый ящик с эле-
ктрической сигнализацией адресату.

(Кр. Гаг.)

Рисует А. Юсиф

— И кто, дьявол, эту штуку придумал?! 5-ый раз за ночь
из-за окурка выскакиваю!

РЕШЕНИЕ ГЛУХОГО ПЕРЕУЛКА

В комиссии по охране общественного порядка Глухого переуллка
соответствующий инструктор разъяснил, что Комиссия может бороться
с хулиганством „действуя исключительно мерами морального воздей-
ствия“. Комиссия выдвинула Никифор Ивановича, товарища Савельева,
имеющего два с половиной метра длины и тихий характер.

Никифор Иванович тотчас же отправился на ближайший пустырь,
где каждый вечер хулиганы устраивали „на лужайке детский крик“.

Никифор Иванович сказал:

— Вы бы, ребята, прекратили свой крик, состоящий из мало
печатных слов.

Ему ответили:

— Тебе надо, ты и прекращай.

— Я, ребята, по моральной линии остепенить вас должен.

— Пожалуйста, просим! — восторженно заявили парни и, ухватив
мимо идущую гражданку Куракину, занялись раскрепощением нового
быта. Гражданка, болтая в воздухе ногами, неистово завывала:

— Спасите!

Никифор Иванович повмысл голос:

— Я авторитетно требую прекратить насилие над ногами этой
гражданки.

— Требуй, мы не препятствуем, — ржали ребята.

Никифор Иванович побагровел, сжал кулаки и... отошел в сторону.
Моральные средства воздействия были исчерпаны.

В это время, отшвырнув измятую гражданку, парни схватили пред-
седателя ЖАКТа и дружно стали исполнять фокс-трот на дому, погружая
среднюю часть председателя в весеннюю лужу.

— Никифор Иванович, вы что-же? — кричал председатель.

— Не могу; я в Комиссии.

— Я сочувствую, но ведь сами видите — бьют.

— Вижу и морально воздействую, как председатель Комиссии.

— Ничего подобного, — шмыкаясь в лужу, вопила глава ЖАКТа, —
протокол еще не подписан и вы не председатель еще.

— Это верно?

— Как-же не верно, если секретарша у нас волокитчица.

Никифор Иванович сорвался с места и, подойдя к хулиганам, стукнул
двоих доб об доб.

— Шагай в отделение, сволочи!

Хулиганы брызнули врассыпную.

На собрании ЖАКТа, делая себе отвод, Никифор Иванович объяснил:

— Пока хулиганам неизвестно, что такое мораль, и как надо ей
подчиняться, авторитет мой не действует. Прошу освободить меня
от Комиссии.

Имея в виду двух-метровый с половиной рост Никифор Ивановича,
а также тихий характер и руки — без труда поднимающие семь пудов,
ЖАКТ постановил просьбу его уважить.

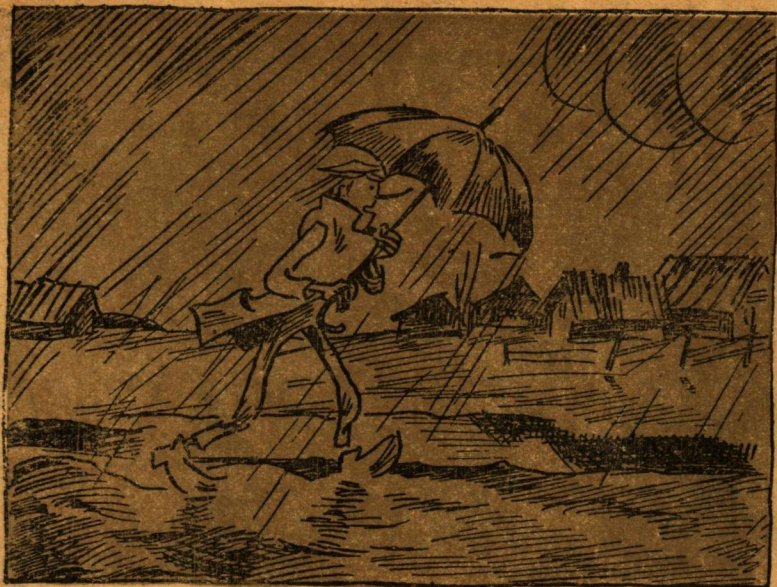
Узнав об этом, хулиганы покинули пустырь.

Им. Ломакин

НАДЬКИН РАЗРЕШАЕТ ДАЧНЫЙ ВОПРОС

Рисунки Б. Антоновского

Текст В. Воинова

Весна не радует погодкой...
Но Надькин твердою походкой
Покинул город в дождь и снег
Он снимет дачу раньше всех.

Увы! Конечно, неудача:
И недурная, будто, дача,
Но цифра „два ноля и семь“ —
Души не радует совсем.

Да и соседняя, другая,
Не по карману. Дорогая.
И цифра „два ноля и пять“
Души не радует опять.

Прошел еще... Глядит на третью.
И снова бьёт цена, как плетью!
Конечно — воздух и поля...
Но... за „четверкой“ — два ноля!

И вдруг, как светом, осенило:
— Вот это так! Вот это мило!
Одна... Под сенью тополей...
Цена-же — шарочка нолей!

Евлампий счастлив, молод, весел.
Вселенся... Карточку повесил...
Ура! Не дача, а дворец!
А рядом щелкает скворец